

Топонимика. Записываются топонимические особенности микрорегиона, названия и легенды о них. Необходима фиксация не только названий близлежащих населенных пунктов, но и иных региональных объектов: рек, озёр, урочищ, лесов, полей и т.д.

Этнография и фольклор. Необходимо собрать и зафиксировать фольклорные традиции, касающиеся артефакта – примеры поклонения, тип подношений, особенности ритуалов, устное народное творчество и т.д. Так же, исследуются и отмечаются этнографические материалы и особенности, связанные с культом памятника – повязываемые рушники, ритуальные объекты (к примеру – составляющие тризны) и т.д.

Отдельной проблемой является так же вопрос фиксации первоначального местонахождения памятников данного типа. Поэтому при опросе местного населения, работе с первоисточниками, необходимо зафиксировать в музейной документации и этот факт.

Если информация об описываемом памятнике скудна, то можно применить методику сбора информации об объекте посредством СМИ и сети Интернет (в частности соцсетей, где порой присутствует достаточное количество краеведческих сообществ). Несмотря на явную нарративность этих сведений, возможно, они подтвердят некоторые косвенные факты, касающиеся исследуемого объекта.

Подробное описание – фактически мини-исследование, которое решит многие проблемы с атрибуцией объекта, в первую очередь с определением датировки, этнокультурной принадлежности и роли исследуемого памятника в историко-культурной составляющей региона.

1. Жижиян, С. Ф. К вопросу об атрибуции каменных крестов из собрания Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника / С. Ф. Жижиян // Тэзісы навукова-краязнаўчай канферэнцыі да 90-годдзя Краязнаўчага музея Полацка (Полацк, 7–8 снежня 2016 г.) / Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік ; уклад. І. П. Воднева. – Полацк : НПКМЗ, 2016. – С. 24–25.

2. Жижиян, С. Ф. Культовые и исторические каменные изваяния в музеях Могилёвской области / С. Ф. Жижиян // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2018. – № 9. – С. 112–116.

3. Лазарава, С. Надпіс расшыфраваны (аб знаходцы ў Чэрыкаве надмагільнага каменю сяр. XVII ст. з надпісам) / С. Лазарава // Веснік Чэрыкаўшчыны (Чэрыкаў). – 2006. – 27 мая. – С. 7.

4. Ляўкоў, Э. А. Маўклівыя сведкі мінуўшчыны / Э. А. Ляўкоў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 215 с.

5. Мясешка, М. Камень у вераваннях і паданнях беларусаў // Деды: дайджест публикаций о белорусской истории. Вып. 11 / сост., науч. ред. А. Е. Тараса. – Минск, 2013 – С. 143–168.

6. Раманюк, М. Беларускія народныя крыжы / М. Раманюк. – Вільня : Наша Ніва, 2000. – 221 с.

Иваничева Л.С.

ОБЫЧНЫЕ ТУРИСТЫ – НЕОБЫЧНЫЕ СВИДЕТЕЛИ: ПУТЕШЕСТВИЕ КАК СПОСОБ ОСМЫСЛЕНИЯ И ОТРАЖЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Ключевые слова: историческая память, культурное наследие, туристические нарративы, историография.

Современное источниковедение демонстрирует устойчивую тенденцию к переосмыслению традиционных категорий исторического свидетельства, все чаще обращаясь к источникам личного происхождения – таким как дневники, письма, путевые заметки, мемуары и автобиографии. Эти тексты, как отмечает Е. Милашова, представляют собой уникальные носители исторической информации, в которых «всегда стоит конкретный человек с его восприятием действительности» [7]. В отличие от официальных документов, они фиксируют субъективные реакции, эмоциональные состояния, интуитивные оценки и повседневные наблюдения, что позволяет исследователю проникнуть в глубинные слои исторического сознания эпохи.

Источники личного происхождения обладают рядом специфических свойств: ретроспективностью, документальностью, нарративной структурой и высокой степенью индивидуализации. Именно эти характеристики делают их особенно ценными для реконструкции культурной среды прошлого и анализа механизмов формирования исто-

рической памяти. Как подчёркивается в работах, «актуализация общей памяти возможна только через фокус памяти индивидуальной» [4; 6; 11], что делает личное свидетельство неотъемлемой частью коллективного исторического опыта.

Особую значимость такие источники приобретают в контексте изучения туристического восприятия культурного наследия. Турист, находясь вне привычной среды, оказывается в положении внешнего наблюдателя, воспринимающего чужую культуру через призму собственных ожиданий, визуальных кодов и культурных стереотипов. Его нарративы фиксируют не только объекты наследия, но и способы их презентации, эмоциональные отклики и интерпретации, что позволяет выявить механизмы формирования культуры в разных контекстах. Как отмечает Н. Мысливец, историческая память обладает не только стабилизирующим, но и инновационным потенциалом, способным влиять на формирование жизненных стратегий и идентичностей [8].

Таким образом, туристические тексты становятся важным источником для изучения процессов популяризации культурного наследия. Они позволяют проследить, как визуальные и пространственные элементы: архитектура, ритуалы, символика, воздействуют на восприятие внешнего наблюдателя, формируя устойчивые образы и нарративы, которые затем транслируются в международном контексте. В условиях роста интереса к культурному туризму и исторической реконструкции, обращение к личным свидетельствам открывает новые перспективы для источниковедческого анализа и междисциплинарных исследований.

Анализ туристических нарративов, текстов, созданных в процессе путешествий, представляет особый интерес, поскольку в них субъективное восприятие сочетается с наблюдением за социальной и культурной действительностью. При этом, взгляд туриста может быть поверхностным, но именно в этой поверхностности проявляется важный аспект: фиксация внешних признаков, символов, ритуалов, архитектурных форм, которые составляют визуальный язык периода или целой эпохи.

Подобный подход к изучению туристических текстов активно развивается в современной гуманитарной науке. Так, С.А. Лебедева в работе «Развитие литературного туризма в России и в мире» подчёркивает, что туристические нарративы выполняют функцию передачи культурной информации, формируя устойчивые образы, территории и наследие в восприятии путешественников [5]. В.Н. Сыроев и В. Ханинен в своих исследованиях рассматривают дневниковые записи (туристов) как форму фиксации визуального и эмоционального опыта, позволяющую реконструировать культурную среду через призму личного восприятия [9; 14].

Такие нарративы указывают не только то, что показано, но и то, как это было воспринято. Туристические тексты отражают момент столкновения двух культурных систем, принимающий и наблюдающей, и позволяют выявить механизмы культурной селекции. В этом смысле турист становится своеобразным «зеркалом» эпохи, в котором отражаются не только реалии принимающей стороны, но и культурные установки самого наблюдателя. Его впечатления – не просто описание увиденного, а интерпретация, насыщенная личными ассоциациями, эмоциональными реакциями и социальными контекстами.

К тому же, междисциплинарные исследования подчёркивают значимость туристических текстов как эффективного средства культурной коммуникации и популяризации наследия [4; 6; 10; 15]. Эти работы демонстрируют, что туристический нарратив – не просто описание маршрута, а сложная структура, в которой переплетаются личный опыт, визуальные коды и культурные мысли.

Например, в контексте Германии 1930-х годов туристические свидетельства приобретают особую значимость, поскольку представляют восприятие страны в период активной эстетизации и публичной репрезентации национального образа. Туризм в этот период становится не только формой досуга, но и важным инструментом культурной

политики, направленным на демонстрацию достижений, создание привлекательного имиджа и формирования международного признания. Как отмечает Е. Коэн в исследовании «Phenomenology of tourist experience», культурное наследие использовалась как средство придания социальным нормам легитимности через архитектуру, музеи, массовые праздники и визуальные стимулы, формируя у внешнего наблюдателя образ «организованной и возрождающейся» нации [12].

Архитектура, музыкальные события, исторические памятники и музейные экспозиции становились частью визуального языка, направленной на убеждения и эстетическое воздействие. С. Гильман в работе «The Jew's body» подчёркивает, что визуальная презентация в Германии того периода была не нейтральной, а концептуализированной: культурные объекты и пространство используются для конструирования «нормативного» национального тела и коллективной идентичности [13]. Таким образом, культурное наследие превращалось в инструмент социальной и политической коммуникации, где эстетика служила не только для демонстрации достижений, но и для исключения «другого». Иностранные путешественники, посещавшие Германию, становились невольными участниками этой репрезентации, а их впечатления – отражением того, как страна стремилась себя показать миру.

Туристические тексты позволяют проследить, каким образом визуальные пространственные элементы: от уличной символики и дворцовых ансамблей до организации массовых мероприятий, воздействовали на восприятие внешнего наблюдателя. Эти элементы не просто демонстрировали культурное богатство, но и транслировали культурные нормы, формируя у туристов определённые представления о национальной идентичности. Как показывает Джулия Бойд в книге «Записки из Третьего рейха. Жизнь накануне войны глазами обычных туристов», многие путешественники описывали Германию как страну «впечатляющей дисциплины и эстетической цельности», но одновременно отмечали «ощущение постановочности и скрытого напряжения» [2].

Вышеупомянутая работа Джулии Бойд «Записки из Третьего рейха», содержит свидетельства иностранных путешественников: письма, дневники, мемуары, повседневные наблюдения, чувственное и эмоциональное восприятие, оказавшихся в культурной среде, формируемой средствами визуального представления и публичной самопрезентации, и позволяет реконструировать атмосферу эпохи глазами внешнего наблюдателя. Так, один из туристов писал: «Берлин производит впечатление города, где все под контролем. Порядок, чистота и дисциплина ощущается буквально на каждом шагу» [2, с. 112]. Другой отмечал: «Немцы кажутся гордыми и уверенными, но за этой уверенностью чувствуется напряжение, которое трудно объяснить» [2, с. 145]. В ещё одном письме очевидца говорится: «Нас поразила организованность и вежливость, но все это казалось слишком выверенным, как будто мы стали частью тщательно продуманной сцены» [2, с. 158]. Эти наблюдения свидетельствуют о том, что визуальные и поведенческие маркеры городской среды формировали у иностранцев образ Германии, как страны порядка и стабильности, однако за этим фасадом эстетизации скрывалась напряжённая социальной реальность, которую некоторые путешественники интуитивно ощущали [2, с. 188].

Подобные наблюдения позволяют говорить о феномене «инсценированной повседневности», в которой элементы городской среды, культурные мероприятия, визуальные символы были тщательно выстроенной системой репрезентации. Туристы становились участниками этой сцены, зачастую не осознавая её направленность. Так, один из них писал: «кажется, что все вокруг от приветствия на вокзале до оформления витрин подчинено единой эстетике, и в этом есть что-то пугающее» [2].

Таким образом, туристические свидетельства становятся важным источником для изучения механизмов визуального конструирования культурного наследия и его использования в целях формирования международного имиджа. Они позволяют не только

реконструировать атмосферу эпохи, но и понять, как культурная политика превращала объекты наследия в средства воздействия, где турист выступал как посредник между официальным дискурсом и личным восприятием. Его наблюдения позволяют переосмыслить устоявшиеся представления, выявить границы исторического знания и определить роль индивидуального опыта в формировании коллективной памяти. Туристические нарративы демонстрируют, что восприятие исторической реальности может быть не только социально окрашенным, но эстетическим, эмоциональным, культурным, и именно в этом многообразии проявляется их аналитическая ценность.

Анализ туристических текстов позволяет осуществить реконструкцию социокультурной атмосферы стран с позиции внешнего наблюдателя, выявить механизмы формирования исторической памяти и оценить эффективность визуальных и символических стратегий, применяемых в рамках государственной культурной политики. Несмотря на присущую этим источникам субъективность, фрагментарность и ограниченность перспективы, они представляют собой значимый пласт исторического знания, способный дополнить и усложнить официальные нарративы. Их исследовательская ценность заключается не только в описании материальной среды и культурных практик, но, прежде всего, в фиксации эмоциональных реакций, интуитивных оценок и личностных интерпретаций, которые зачастую остаются вне поля зрения институциональной историографии.

Таким образом, туристические нарративы могут быть рассмотрены как рабочий инструмент анализа процессов репрезентации и популяризации культурного наследия. Они показывают, каким образом визуальные коды, архитектурные формы, ритуализованные действия и символические конструкции становятся частью исторической сцены, воспринимаемой и интерпретируемой через призму индивидуального опыта. В этом контексте фигура туриста приобретает значимость: он выступает не только как наблюдатель, но и как носитель альтернативной памяти, способной выявить скрытые слои восприятия и дополнить официальную картину эпохи.

Свидетельства, зафиксированные в туристических текстах, функционируют как элементы культурной коммуникации, отражающие транснациональные процессы восприятия и интерпретации наследия. Их анализ также позволит оценить роль туризма как медиатора между локальной культурной политикой и глобальными представлениями о национальной идентичности. В условиях активного использования наследия в целях имиджевой стратегии государства, подобные источники становятся важным материалом для изучения механизмов убеждения, вовлечения и формирования устойчивых культурных образов в международном контексте.

1. Ассман, Я. Культурная память: письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М. : Языки славянской культуры, 2011. – 384 с.
2. Бойд, Дж. Записки из Третьего рейха. Жизнь накануне войны глазами обычных туристов / Дж. Бойд. – М. : Альпина нон-фикшн, 2020. – 432 с.
3. Головашина, О. В. Исторический факт как место памяти: П. Нора и исследования локального прошлого / О. В. Головашина // *Tempus et Memoria*. – 2022. – Т. 3, № 2. – С. 6–12.
4. Готлиб, А. С. Анализ нарративов в социологии: возможности и проблемы использования / А. С. Готлиб // *Международный журнал исследований культуры*. – 2013. – № 1(10). – С. 9–14.
5. Лебедева, С. А. Развитие литературного туризма в России и в мире: обзор научных источников / С. А. Лебедева // *Креативная экономика*. – 2023. – Т. 17, № 8. – С. 2909–2936.
6. Мегилл, Ал. Историческая эпистемология / А. Мегилл. – Москва : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. – 480 с.
7. Милашова, Е. В. Исторический нарратив как форма организации и репрезентации исторического знания / Е. В. Милашова // *Эпистемология и философия науки*. – 2012. – Т. 31, №1. – С. 157–173.
8. Мысливец, Н. Историческая память: актуальность исследования и необходимость сохранения / Н. Мысливец // *Белорусская думка*. – 2022. – № 2. – С. 56–62. – URL: https://beldumka.belta.by/isfiles/000167_864563.pdf (дата обращения: 17.09.2025).
9. Сыров, В. Н. Нарратив в историческом познании: о перспективах использования нарратологии / В. Н. Сыров // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. – 2020. – Т. 4, № 3. – С. 113–135.
10. Троцук, И. В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках / И. В. Троцук // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. – 2004. – № 1(6). – С. 41–53.
11. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
12. Cohen, E. A Phenomenology of Tourist Experiences / E. A. Cohen // *Sociology*. – 1979. – Vol. 13, № 2. – P. 179–201.
13. Gilman, S. *The Jew's Body* / S. Gilman. – New York : Routledge, 1994. – 256 p.
14. Hanninen, V. A model of narrative circulation / V. Hanninen // *Narrative Inquiry*. – 2004 – Vol. 14, № 1. – P. 69–85.
15. Urry, J. *The Tourist Gaze: Leisure and Travel in Contemporary Societies* / J. Urry. – London : Sage Publications, 1990. – 176 p.